

ИГНАЦИЙ МАТУШЕВСКИЙ

# ДЬЯВОЛ В ПОЭЗИИ

Игнаций Матушевский

**ДЬЯВОЛ В ПОЭЗИИ**

«Остеон-Групп»

## **Матушевский И.**

Дьявол в поэзии / И. Матушевский — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-1-77246-645-4

В этой книге имеется подзаголовок, поясняющий, что здесь представлены история и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков. Автор её, польский литературовед Игнаций Матушевский (1858-1919) определил жанровую принадлежность своей книги как «Этюд по сравнительной истории литературы». Но на самом деле обзор её гораздо шире. Данная монография – первая попытка исследования поэзии и эстетики демонизма, определения законов, которым подчинялась эволюция типов дьявола в истории изящной литературы всего мира.

ISBN 978-1-77246-645-4

© Матушевский И.

© «Остеон-Групп»

# Содержание

Вступление	7
Книга I	9
I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

# Игнаций Матушевский

## ДЬЯВОЛ В ПОЭЗИИ

*Перевод со второго, дополненного и переработанного, издания*



# ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗІИ.

ИСТОРИЯ и ПСИХОЛОГИЯ

Фигуръ, олицетворяющихъ зло въ мѣстной словесности  
всѣхъ народовъ и вѣковъ.



Этюдъ по сравнительной исторіи литературы.

*Лекція Матушевскаго.*

Переводъ со второго, дополненнаго и переработаннаго, изданія

**В. М. ЛАВРОВА.**



МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>, Пименовская ул., соб. д.

1902.

## Вступление

Мир фантазии, равно как и мир действительности, подчиняется известным законам: он возникает, развивается и преобразуется по неизменным правилам, а населяющие его существа, равно как и люди и существа земные, обладают своею, – вернее, своими историями. Деяния этого фантастического мира, замкнутые в разных мифологиях, преданиях, песнях, поэмах и т. д., очень богаты и составляют одну из важнейших глав гигантской книги человеческого интеллекта, в которую одно поколение, вслед за другим, в течение ряда веков, слагало:

«Понятий нити, мыслей ткани  
И чувства свежие цветы...»

Из этой главы мы попробуем прочитать лишь несколько страниц, касающихся жизни и развития одного из любопытнейших и могущественнейших созданий сверхчувственной области, а именно – сатаны.

Сатана – название это мы употребляем здесь в самом общем значении, как синоним всяческой персонификация зла, – сатана в истории человеческой цивилизации сыграл не последнюю роль; его история так обширна, что сколько-нибудь точное изложение её заняло бы несколько томов; в настоящем этюде мы займемся *единственно* историей сатаны в изящной литературе, входя в другие области лишь постольку, поскольку это будет необходимо для ясности изложения.

Кто желал бы познакомиться ближе с догматико-религиозной стороной вопроса, тот пусть обратится к произведениям теологов и историков религии, ибо мы не станем разбирать здесь внутренней стороны зла а попытаемся лишь показать, в какие конкретные формы воображение поэтов и народов отливало это понятие в разные эпохи и на различных пунктах земного шара.

Собственно, родина сатаны, – это область религиозных верований; там-то он в незапамятные времена и появился, как антитеза творца и избавителя, как бурный фермент, не дающий человечеству спокойно дремать. Но из этой торжественной страны подвижная и дерзкая фантазия артистов перетянула его в радужную область поэзии, где он и получил полное право гражданства.

Сначала, как в древне-индийских поэмах, или средневековых мистериях, это делалось с ведома и дозволения стражей веры; позже Данте и Мильтон обходились без подобного контроля, хотя всё-таки заботилось о согласии с догматами господствующей церкви; в конце же, у поэтов XVIII и XIX века, олицетворение зла переродилось в один из тысячи многозначущих символов, которыми они пользовались для разнообразных целей.

И всякий поэт, более или менее удаляясь от границ, начерченных традицией, иначе вообразил себе фигуру сатаны и вместе с тем иначе воплощал ее. Представить вкратце историю и фазы этой этико-философской эволюции и составляет задачу нашей книги. Для того чтобы избежать возможных и, вместе с тем, неосновательных упреков, мы заявляем с первых же страниц, что займемся *исключительно* литературой *артистической*, признавая поэзию народную только сокровищницей, откуда некоторые авторы черпала мотивы и темы для своих произведений.

Народные предания – не только поэмы, но и *мифы*, и к их исследованию нужно было бы приложить другой критический метод, чем к произведениям, обладающим характером чисто-литературным, – разбор же обоих этих родов творчества в одной и той же книге несомненно смутит бы желательную ясность изложения.

Итак, считаясь с народной «мифологией», точно также как с мифологиями греков, римлян, индусов и т. д., мы всё свое внимание сосредоточим на произведениях, ясно носящих на себе отпечаток индивидуальности их творцов.

Начав с самых древних времен и бегло обозрев письменность всех народов, мы дольше остановимся на литературе Средних Веков, Возрождения и Реформации, а также начала XIX века, – эти эпохи и породили самые выдающиеся типы демонов.

Конец нашего столетия, хоть и не произвел ни одного титана ада, тем не менее по отношению к сатанизму занял положение настолько оригинальное, что мы должны были посвятить анализу демонических произведений современной эпохи отдельную книгу.

В следующей затем книге мы подробно разобрали немногочисленные и неяркие сатанические фигуры польских поэтов и закончили наш труд попыткой определения законов, которым подчинялась эволюция типов дьявола в истории изящной литературы всего мира.

Историю дьявола обрабатывали уже неоднократно; но всегда интересовались или теологически-общественной стороною, или общественно-культурной, почти совершенно пренебрегая поэзией и эстетикой демонизма. И вот, приступая к этому этюду и не имея возможности опереться на предшественников, мы должны были одни не только обрабатывать, но и собирать материал, не всегда легко доступный и вообще мало знакомый большинству.

В настоящем издании мы старались не только увеличить сумму фактов, но вместе с тем расширить и переработать теоретическую часть книги, сделать более рельефною причинную связь между отдельными явлениями, а вместе с тем доказать, каким образом воздействовали на нее перемены, сопряженные с развитием интеллекта разных народов и веков.

Если мы теперь спросим об утилитарной цели подобных литературных попыток, то ответ должен быть таков: всякая подробная сравнительно-историческая монография обогащает наши сведения в области всечеловеческой психологии.

Такую монографию мы и хотели создать; хорошо ли мы решили нашу задачу, – пусть судят критика и читатели.



# Книга I

## Олицетворение зла в поэзии народов не-христианских

### I

#### Обозрение демонических фигур в письменности народов, признающих политеизм

*Религиозный дуализм у диких. – Фрагменты аккадской и ассирийско-вавилонской литературы. – Египетские мифы. – Индийские гимны, легенды, эпосы и драмы. – От Зороастра и Зенд-Зенд-Авесты до «Книги царей» Фирдоуси. – Демонизм в поэзии Греции и Рима.*

Когда первобытный человек начал останавливаться над загадкой мироздания, его должно было прежде всего поразить, сначала в мире физическом, а значительно спустя и в моральном, противоположность двух враждебных друг другу элементов: мрака и света, зла и добра, правды и лжи. А так как столь радикально противоположные вещи, по-видимому, не могли исходить из одного источника, то люди приписывали их начало существам высшим, чаще всего созданным по образу и подобию своему, и называли одно из них богом добра, другое – богом зла.

Этот дуализм более или менее ясно вырисовывается почти во всех мифологиях.

Это не трудно отыскать и у современных нам диких, которые, как утверждают Леббок и Тэйлор, иногда почитают злого духа более, чем доброго, и всё это на основании остроумного и практического предположения, что добрый и без молитвы никому зла не сделает<sup>1</sup>.

В знаменитом поэтико-этнографическом сборнике Гердера «Голоса народов в песнях», мы находим следующий характерный гимн Мадагаскарцев: «Занар и Нианг сотворили мир. О, Занар, мы не будем обращать к тебе своих молитв; о чём мы будем просить доброго бога? Нужно успокоить гнев Нианга!

«Нианг, злой и могучий дух, не позволяй грому греметь над нашими головами; воспрети морю размывать наши берега; охраняй растущие овощи; не выжигай цветущего риса; не разверзай лона наших жен в несчастные дни и не принуждай мать, чтобы она надежду своей старости топила в пучинах моря!»

«Нианг! не разрушай добрых дел Занара! Ты царствуешь над злыми; их число и так уж достаточно велико; не мучай же добрых<sup>2</sup>.

В религиях древних народов дуализм проявляется в разнообразнейших видах: то в нескольких обособленных мифических единицах, то в разделенных на ряды добрых гениях с одной стороны, и злых чудовищ и страшилищ, с другой. Соответственно с этим образуется и демонологическая литература всякого народа.

У первобытных обитателей Месопотамии, например, у тех, которые в теперешней науке носят имя Аккадов, большая часть дешифрованных обломков письменности посвящена

---

<sup>1</sup> В этом отношении замечательно племя Иезидов, или поклонников дьявола, живущих в Ирак-Аджеми, на севере Месопотамии. Оперт думает, что религия их – отголосок Парсизма, измененный до того, что вместо Ормузда поклонение достается на долю Аримана, который со-временем отблагодарит своих поклонников.

<sup>2</sup> Ср. ту же самую песню у Тальви: „Versuch einer geschichtl. Character, des Volkliedes“. В западной Австралии существует племя, верящее, что мир сотворил добрый бог, Мотогон; но они о нём не заботятся, – зато страшно боятся бога зла, Сиенга. Тэйлор думает, что только так, „практически“ понимаемый дуализм и составляет сущность верований нецивилизованных народов; этические элементы в понимании разницы между добром и злом попали в мифологию диких лишь вследствие столкновения с христианством. („Первобытная цивилизация“, II, гл. XVII).

описанию деятельности злых духов, или магическим формулам заклинаний, очень близко напоминающим наши народные заговоры. Что же делают эти аккадские демоны?

Перебегают из края в край,  
У невольниц отнимают возможность стать матерью,  
Свободную женщину из дома, где она породила детей, удаляют,  
Детей из дома отца выгоняют,  
Голубям направляться к гнезду мешают,  
У птиц, во время полета, крылья искривляют,  
Ласточек на воле топят в пропасти,  
Волов убивают, ягнят убивают...

Природу этих злобных существ другой текст определяет следующим образом:

Это не мужчины и не женщины...  
Жен они не знают, детей не имеют.  
Не знают, что такое хороший порядок,  
что такое милосердие.  
Ни просьб, ни молитв не слушают;  
Они – словно черви, плодящиеся в горах;  
Сталкивают с сёдел путников, сидят вдоль дороги...

Почему же они таковы и к какой цели направляется их деятельность? Об этом из обрывков аккадской литературы догадаться трудно.

Но тем не менее, кажется, демонология вкладов была очень богата и слагалась в иерархическую систему. Существовал целый мир духов, обладающих ясно определенными атрибутами и положениями.

На вершине лестницы находились гении высшего разряда (по-аккадски – *мас* или *ламма* – колосс; по-ассирийски *сед* или *ламас*).

О них к нам дошло наименьшее количество сведений.

Лучше нам знакомы низшие степени иерархии, так называемые *утуки*, которые распадутся на следующие разряды: *Алал* (истребитель, по-ассирийски *Алу*), *Гигим*, *Эким* (невъясненное до сих пор), *Тетал*, *Галлу* – воин, и, кроме того, *Максим*, по-ассирийски *рабиз*, то-есть «тот, который ставит западни». Этим последним было семь; они пребывали в глубине земли и могли производить великие перевороты на всём свете (землетрясения и т. п.). Их побеждали заклятиями и призывом к помощи добрых богов, которые одолевали и укрощали злых Максимов.

Аккадцы верили также в наваждение и лечили его, как и другие болезни, при помощи талисманов, заклинаний и магических формул.

Пускай выходят злые духи.  
Пусть борются друг с другом,  
Дух добрый, колосс благожелательный,  
Да войдет в тело!

Кроме того, известны были упыри, видения и страхи: *Уруку*, *Рапанмешаб-Аххару*, *Рапанмеа-Лабассу*, *Рапанме-Лабатру* и домашние духи (*Киель-удда-карру*, по-ассирийски *ардат*).

Одним словом, у аккадских народов не было недостатка ни в одном из известных нам демонических типов.

Духам злым противопоставлялись духи добрые; но этот дуализм имел характер чисто физического, а не моральный. Духи добрые – это были духи полезные, злые духи – духи вредные и надоедливые. Вопросы о добре метафизическом, к которому надлежало бы стремиться ради него самого, там не существовало совсем, и поэтому самому не могло существовать понятия о безотносительном зле, как об отрицании всех идеальных aspirations.

Семитическое племя, которое мало-помалу затопляло страну аккадов, переняло от них не только клинообразные письмена, но и веру в злых и в добрых духов, а вместе с тем и в магическую силу заклинаний. Но то, что у аккадцев являлось настоящим культом, у вавилонян и ассирийян стало чем-то вроде вспомогательного фактора религии, чародейски-теургичным ритуалом, или магией.

Это – первое ясное проявление нередкого в истории человечества процесса ассимиляции религиозных понятий одного народа другим народом, при общем понижении этико-философского и иерархического уровня усвоенных мифических вымыслов. Значительно позже это замечается и в Европе, где побежденные языческие верования ютятся до сих пор в легендах, сказаниях и предрассудках народа.

Но над перенятой от туранских аккадцев демономанией, еще носящей яркую анимистическую окраску, в Вавилоне и Ассирии царил другая, гораздо высшая религия, основанная на поклонении силам природы, в особенности света и тепла, а вместе с тем их главных источников – солнца и всех сияющих небесных тел.

Религия, родственная с верой финикийян и многих других мелких семитических племен, в природе прежде всего видела активную и пассивную сторону, оплодотворяющую и рождающую, мужскую и женскую, поэтому дуализм физиологический, половой там господствовал над этическим, однако не обезличивая его окончательно. Всякому богу почти всегда соответствовала какая-нибудь богиня, а независимо от этого, все эти божества выступали в противоположных ролях: раз, как сила благодетельная (например, солнечная теплота весной), другой раз, как сила разрушительная (губительные летние жары).

Отсутствие литературных документов до сих пор не дает возможности выработать ясно определенное понятие о психо-поэтическом характере этой семьи богов.

Разобранные до сих пор клинообразные тексты заключают несколько отрывков эпического содержания, из которых мы узнаем, что тамошние боги и герои вступали в борьбу и побеждали разных чудовищ, между прочим, Тиамата и Була, иначе «пожирателя», питавшегося телом прекрасных дев до тех пор, пока его не убил Саид, сын Издубара (Персей и Андромеда!).

Наиболее интересным для нас фрагментом является сошествие богини Истары (вавилонская Венера, Астарта финикийян) в ад с целью освобождения своего умершего возлюбленного, Таммуза (Адонис). Здесь поражает некоторая – конечно, очень поверхностная, – аналогия между этой до-исторической легендой и «Божественною Комедиею» Данте.

К отдаленному царству, откуда никто не возвращается,  
К стране уничтожения Истар, дочь богини Син, направила свои  
желания...  
К убежищу, в которое входят, но из которого уже не выходят.  
На тропинку, которая ведет вперед, но по которой не  
возвращаются назад,  
К зданию, которое лишено света,  
К месту, где пыль служит пищей, а грязь напитком,  
Куда не проникнет солнечный луч, где царит мрак,

Где тени, словно птицы, мечутся под сводами...

Кто, прочтя это красноречивое определение убежища смерти, не вспомнит знаменитую надпись, иссеченную рукою певца Беатриче над адскими вратами и заканчивающуюся угрюмым:

Lasciate ogni speranza, uou ch'entrate!..  
[Оставь надежды, всяк сюда входящий!]

Не много больше дает нам материала и темная еще до сих пор мифология и не исследованная настоящим образом литература египтян.

Зло в принильской стране обладало ярким представителем в лице Тифона-Сета (Тобху-Сит).

Сет, собственно, принадлежал к старейшим богам Египта, был одним из царей «божественной династии; но, слившись в эпоху нашествия гиксосов с их народным богом, Сутехом (Сутху), в одно лицо, был, после изгнания угнетателей, свергнут с высот египетского Олимпа и с тех пор олицетворял не только вредные силы природы, но я всё, что было чужим, иноземным, не египетским. Значит, это был бог не только злой, но и антинародный. Всё, что приходило из-за соленого моря, или из-за палящих, песков пустыни, было делом Тифона-Сета, с которым сражался Гор, сын и мститель Узури, убитого бога добра и света (Озирис).

Здесь мы снова встречаемся с примером понижения (сатанизации) божества, по происхождению своему доброго, – собственно потому, что его чтил враждебный народ.

Вообще, в большинстве религий, зло, кажется, не имеет собственного генетического начала, но является только порчей, падением того, что первоначально было добром. Тифон, подлый убийца Озириса, тем не менее, был его родным братом (Диодор Сицилийский I, 21).

Знаменитая «Книга умерших» говорит о сражениях, которые душа после смерти должна вести с чудовищами, подвластными Тифону. Помощь в данной борьбе приносили формулы погребального ритуала, а также талисманы, навешанные на мумиях. Но, кажется, злые духи в египетской мифологии и магии играли меньшую роль, чем у аккадцев и халдейцев.

Египетская письменность и мифология не включают достаточных данных, касающихся происхождения и природы зла; в этом отношении значительно более богата и благодарна литература индийская, на которой мы и остановимся подольше.

Индусы, как справедливо выразился один ученый, более заботились об истории и генеалогии богов, чем о своих собственных хрониках, – поэтому религиозный элемент в их литературе подавляет все другие стороны. Желая понять художественную красоту и типы письменности индусов, необходимо познакомиться с мифологией этого народа.

Мифология эта не всегда была так запутана и странна, как теперь. Когда-то (об этом нам свидетельствуют древнейшие религиозные книги индусов, Веды), вероятно, перед оставлением первоначального местожительства арийского племени в средней Азии, индийский Олимп не особенно разнился от Олимпа греческого.

Во главе богов стоял Индра, индусский Зевс, господин небес, воздуха и громов; рядом с ним мы видим Агни (огонь), и, кроме того, целую толпу низших богов, олицетворяющих известные благодетельные силы природы, или являющихся просто воплощением эпитетов главного божества.

Боги эти (Суры) сражаются в воздухе под предводительством Индры с демонами (Азуры, вредные силы природы), которыми предводительствуют Аги и Вритра (змей), держащие на привязи небесных коров (облака), чреватых живительным дождем.

Эти сражения, будучи простым олицетворением важных для хлебопашца и пастуха метеорологических процессов, не исчерпывают деятельности Индры. Он не только, как Герку-

лес, Аполлон, Зигфрид, Феридун и Кран, убивает вредных чудовищ и воздушных змей, но и «поражает своим громом с Востока, Запада, Полудня и Полуночи нечистых ночных духов (Ракшасов), которые в образе сов, собак, волков, коршунов, угрюмых птиц вечера и безбожных зверей устрашают душу в темноте, или стараются похищать и осквернять святыне жертвы» (Гимны Вед).

Здесь не трудно сразу узнать свет, рассеивающий угрюмый мрак ночи, которому анимистическая фантазия придала форму видений и страшилищ.

Склонный к спекуляции, ум индусов не ограничился на создании себе богов-покровителей, но жаждал углубиться далее и познать причину причин, которой как люди, так боги и демоны обязаны своим существованием.

В комментариях к Ведам, так называемых Упанишадах, мы встречаем уже следы пантеизма, этой совершенно арийской доктрины, не отделяющей творение от творца и отождествляющей субъект с объектом, действительность с недействительностью. *Tat swam asi* – ты и мир составляете одно, – к этой простой формуле приводит не только старая ведическая философия, но и весь фантастичный, дикий, роскошный, как экваториальная природа, политеизм позднейшего необраманизма (индуизм).

Все, что существует, не исключая демонов и богов, – все это лишь переходная форма одной первобытной субстанции. «Есть один вечный мыслитель, но мысли, которые он прядет, не вечны: он один, но исполняет желания многих» – гласит Ката-Упанишада.

Этим мыслителем для одних был Индра, для других – Агни, которых впоследствии сверг с престола Брама, являющийся в «Законе Ману» только манифестацией какого-то элемента, лишённого форм и атрибутов (*Brahm, Parabrahm* – в среднем роде Атман).

«Закон Ману» однако же явился уже после оставления общей колыбели арийцев и после завоевания Индийского полуострова, где обитали полудикие народы, отчасти семитического происхождения (Кушиты), отчасти туранского<sup>3</sup>. Столкновение с низшими, презираемыми расами вызвало, с одной стороны, суровое разделение на касты чистые и нечистые, с другой же – обогатило первоначальный арийский пантеон новыми божествами, которым поклонялись туземцы, более слабые культурой, но сильнее численностью.

Эти божества (Рама, Кришна, Шива) сначала слились, как это всегда бывает, с второстепенными фигурами ведических богов<sup>4</sup>, и лишь значительно позже низвели прежнюю династию неба до положения вассалов. Сделалось это, по всей вероятности, под влиянием развития буддизма, который, выступая во имя справедливости и сочувствуя всем живущим существам, жаждал прежде всего сломать теократическое могущество браминов и сокрушить железные перегородки каст.

Такой демократический лозунг должен был найти громкий отзвук в массах; встревоженные представители теократии начали потворствовать толпе, выдвигая на первый план соответственно модифицированные фигуры, старых популярных народных богов. Кровавый Шива, подобный финикийскому Молоху, а также мягкий и благодетельный Вишну, которого при помощи доктрины «аватаров», то есть воплощений, очеловечили и связали с героическими фигурами Кришны, Рамы и даже самого Будды, – эти два божества заняли в необраманизме доминирующее положение и составили вместе с древним Брамой знаменитую «Тримурти», или индийскую троицу.

---

<sup>3</sup> Это гипотезы Лассена, Экштейпа и Ленормана. Сравн. также Маиса Мюллера „*Origine et développement de la religion, étudiés à la lumière de religions de l'Inde*“; Шрёдер: „*Indiens Literatur und Cultur in historischer Entwicklung*“; Ларопа: „*Histoire de la Littérature Hindoue*“; Шпигеля: „*Die arische Periode*“.

<sup>4</sup> Шива отождествлялся с Рухрой, отцом вихрей; прозвище это осталось за ним до сих пор, как эпитет. Вишну, сначала (в Ведах) было только одно из имен солнца; в „Законе Ману“ его еще нет среди первостепенных богов, и только в больших эпопеях он выступает на первый план, как Рама и Кришна.

Таким образом многочисленная семья индийских богов сложилась как бы в пирамиду, на вершине которой находился неопределенный абсолют Брама; ниже стояла «Тримурти», олицетворяющая три фазы жизни: начало, продолжение и конец, под нею же восемь космических богов (локопала, – охранители мира), сражающихся, как и древле, под предводительством Индры с враждебными свету и жизни силами природы. Каждый из этих богов, подчиняясь влиянию могучей экваториальной природы, выделил из себя женскую половину (Шакти, плодородная энергия); пространство же между небом и землей наполняли миллионы естеств различной силы и значения.

Зло среди них главным образом представлялось при помощи упомянутых выше Азуров и ведических Данавов, которых побеждал Индра, а порою и Вишну<sup>5</sup>, а также и Ракшасов, поклоняющихся грозному Шиве.

Сам Шива, хотя и покровительствует демонам и олицетворяет уничтожение, смерть, а порою и наказание, не может почитаться божеством безусловно злым, напоминающим демона; этот бог, равно как и одна из его жен, Кали-Дурга, покровительница душителей (тугов) и волшебников, умеет не только уничтожать, но и творить.

В каждой жизни, как бы то ни было, таится зародись смерти, а смерть, – это основа новой жизни: по этому одним из титулов Шивы является Лингам (Phallus). Пантеистическая фантазия браминов сумела преобразить кровавого и отвратительного божка в глубокий символ бренности реального существования, за изменчивыми формами которого кроется, однако, какая-то неисчерпаемая и творческая сила.

«Храни меня от зла, – читаем мы в одном из шиваитских гимнов, – ты, который есть в одно и то же время плодородие и бесплодие, не замечаемый атом, что пребывает в лоне разлагающихся стихий, единственная сущность тел сложившихся.»

А так как всякая секта считала своего бога за эту скрытую творческую силу (Брама), то в знаменитой песне «Магимна Става» мы читаем обращение поэта к Шиве:

«Твои сады, губитель любви<sup>6</sup>, – суть кладбища. Твоя свита – вампиры; чётки из мертвых черепов, вот твой венец; нрав твой угрюм, как и имя твое. Но всё-таки ты – наивысшая услада тех, которые к тебе взывают, о, источник милостей! Ты – солнце, ты – небо и земля, ты – всеобщая душа! Слава тебе за то, что ты наименьший (атом), слава тебе за то, что ты наивеличайший (бесконечность)» и т. д.

В другом метафизическом эпизоде «Махабхараты» под названием «Бхагават-Гита», мы читаем о Вишну то же самое, только высказанное другими словами. Нужно, однако, прибавить, что этот другой эпизод упомянутой нами религиозной эпопеи, которая есть не что иное, как индийская мессиада, соглашает эти противоречия при помощи способа необыкновенно простого и совершенно согласного с монотеистическим характером браманизма:

Святой бог (Бхагават) Вишну сражался под видом Кришны с богом великим (Магадевою), Шивой. Земля жалуется на это Браме, который мирит могучих соперников.

«Какая цель твоей борьбы с Кришной, – сказал Брама Рудре (эпитеты Шивы)? – Разве ты не знаешь, что Кришна, – это другой ты? И тогда Рудра познал свою тождественность с Кришной и Брамой и праотец миров, а вместе с ним и два божества, враждебные друг другу на время, сливаются воедино, Гаги-Гара, предвечную форму, не имеющую ни начала, ни середины, ни конца».

Весьма понятно, что при такой системе не было и не могло быть места для зла безотносительного и его воплощения. Существовало только зло, понимаемое как переходное состояние,

<sup>5</sup> В добавлении к поэме Магабгарата, в Гаривансе, Вишну, как Кришна убивает 800,000 Данавов, Детиев и других космических демонов, соответствующих титанам и гигантам греческой мифологии.

<sup>6</sup> Шива, как бог уничтожения, не только покровительствует аскетам, умерщвляющим плоть, но и сам усердно предается отшельническим подвигам. Однажды, когда Кама, плутоватый бог любви, индийский амур, осмелился помешать ему в этом, Шива своим взглядом обратил его в пепел. Эта прозрачная аллегория не требует комментариев.

и оно-то выступало в поэзии преимущественно в образах упомянутых выше вассалов Шивы – Ракшасов. С ними преимущественно и борется бог Вишну, воплощаясь по очереди (аватар) в разные звериные и человеческие существа.

Великолепнейший цветок старо-индийской эпики, Рамайана, воспекает собственно войну между индийским Байардом, королевичем Рамой (седьмой «аватар» Вишну) и десятиголовым, двадцатируким чудовищем, Гаваной, царем Ракшасов.

Он похитил жену Раны, прекрасную и добродетельную Ситу, и скрыл ее в глубине своего дворца в Лайка (на острове Цейлоне); после долгих трудов и при помощи разных хитростей Рама уничтожил войско царя демонов, а его самого, убил к великой радости богов, которым этот могучий гигант наделал не мало неприятностей.

Однако, что же такое Рама и его подданные?

В Ведах были, как мы знаем, воплощения ночных страхов, побеждаемых Индрою. В этом образе они часто выступают в Махабхарате, блуждая по кладбищам и пожирая трупы (ср. Малати и Мадава, V; Гандакаузика, IV).

В Рамайане эпитет «ночных бродяг» только этою одною чертою характеризует вампирообразный характер Ракшасов. Помимо этого, они – правда, существа негодные и отвратительные, «с длинными клыками и раздутыми брюхами», – но живущие в совершенно организованном обществе. У них есть царь, министры, войско и т. п., они любят и совершают между собою браки, молятся и приносят жертвы богам, в особенности Шиве, и даже предаются аскетическим занятиям с одинаково благоприятным результатом, как и люди (например, Марича, демон-анакорет, – *diable l'hérmite*). Их демоничность выражается главным образом в способности принимать неуловимые формы, а также и в удовольствии, которое доставляет им вред и неприятности, наносимые людям.

Это, как говорит брат Раваны, Бара – «надменные и жестокие богатыри, искусившиеся в мучительствах, наивысшим наслаждением которых – терзать всех».

Другую их характерную черту составляет канныализм. Они пожирают отшельников, обитающих в глубине лесов. Сам Гавана, желая принудить Ситу отдаться ему, говорит: «Если через два месяца – ты не станешь моею женою, то повара мои разрежут тебя на куски и подадут мне на завтрак».

Значит, мы имеем дело скорее с каким-то диким, свирепым племенем антропофагов, с какими-то дагомейцами прошлого, чем с духами зла, искусителями благочестивых.

Вся Рамайана была когда-то обыкновенной эпопеей, (*itihasa*), воспевающей победы арийцев над варварскими обитателями Цейлона, которые, вероятно, предавались людоедству<sup>7</sup>. Редакция браминов одухотворила содержание и героев, но первобытных черт совершенно изгладить не могла. Но, однако, выдавая Раму за аватар Вишну, нужно было соответственно возвысить и Равану.

Так, одна из интерполяций рассказывает нам, что Равана, царь духов и ночи, при помощи аскетических деяний дошел до великого могущества и выпросил себе у Браммы привилегию, в силу которой ни один дух, ни одно высшее существо не могли нанести ему смерти.

Самонадеянный титан, ослепленный гордостью, не боялся обыкновенных людей и погиб от руки Вишну, который «для обороны добрых и для погибели злых и обновления справедливости стал человеком».

Другие легенды, применяя к Гаване доктрины метемпсихоза, идеализируют его еще больше. Гавана был одним из привратников при дворе Вишну; за оскорбление двух кающихся святых он присужден, вместе с товарищем, на трехкратное возрождение в телах злых титанов.

---

<sup>7</sup> В Махабхарате междоусобная война арийцев занимает первый план, демоны появляются там хотя и часто и в большом количестве, но всегда как эпизодические фигуры, тогда как в Рамайане всё дело вертится исключительно вокруг сражений с Раваной и его подданными.

В первый раз он произошел на свет, как сын богини Диты (ночи), в образе безжалостного Гириакша, наделал много зол и принял смерть от клыков Вишну, воплотившегося в гигантского кабана.

Другим воплощением души грешника и был собственно Гавана; третье же и последнее воплощение кающегося небожителя мы встречаем в Махабхарате под видом гиганта Суспаля, из тела которого в ту минуту, когда Вишну Бришна наносил ему смерть, вылетает ясный луч и проскальзывает в уста бога-победителя. Луч – то была душа гиганта, которая, окончив цикл покаянных воплощений, снова слилась с божеством<sup>8</sup>.

Такою, по мнению браминов, будет последняя судьба всего зла в мире: зло – это только временное отдаление от главного и чистейшего источника жизни.

Падение не вело за собою у Индусов вечного осуждения. Каждый дух, проходя через ряды тел, наконец, очищался и возвращался на лоно божества. Поэтому индийский ад, несмотря на то, что фантазия Востока разукрасила его всеми ужасами, не производит такого впечатления, как ад Данте, ибо он не вечное, а только временное место пребывания осужденных. Ад – это было понятие чисто-эзотерическое, народное. Веды, например, о нём совсем не упоминают.

Для индийской интеллигенции веры в метемпсихоз, подкрепленной глубокой доктриной кармы, было совершенно достаточно. Карма – это был закон причинности, перенесенный из мира физических явлений в морально-религиозную сферу и управляющий переселением душ. «Всякий акт мысли, слова или тела, смотря по тону, злой он или добрый, приносит злой или добрый плод в будущем воплощении».

Карма в достаточной степени объясняет существование зла, боли и горя на свете, – ибо всё, что существует, – есть результат прошлого, и вместе с тем, причина будущего: значит, всякий сам себя карает или награждает, губит или избавляет. Если ты жил добродетельно, твоя душа возродится в теле здорового и счастливого человека; если ты грешил, то в последующем воплощении будешь страдать за содеянные ранее поступки. Всякая жизнь есть расплата за прошлое существование и зародыш будущего.

Закону кармы подчиняются даже индийские боги, в существе вещей такие же бранные, как и люди. Кришна, например, нечаянно погибает от руки охотника Гиары, в теле которого заключена была душа Ангулы, сына Вали, царя обезьян, когда-то убитого Вишну в аватаре Рамы.

Все, что темные люди называют «случаем», в сущности лишь проявление непреложных законов кармы.

Где так беспристрастно правит всем суровая, но справедливая непреложность, там нет места для эсхиловского Прометей, Мильтоновского Сатаны и т. п. трагических фигур бунтовщиков против существующего порядка вещей. В индийской литературе нет вообще трагедии, – существуют только героические драмы (Натака), в которых добродетель всегда награждается, а порок наказуется.

Личное усилие могло ускорить последовательную эволюцию и раньше времени соединить индивидуальный дух с бесконечным духом мира; тем не менее, все отклонения с пути, начертанного предвечными законами, отдаляли осуществление этой возвышенной цели и, вследствие этого, являлись излишними и вредными как для единицы, так и для общества. Усилие это, природы чисто внутренней, заключалось единственно в развитии в человеке знания и воли на счет тела и чувств<sup>9</sup>.

---

<sup>8</sup> Подобный факт мы встречаем в драме Удданди „Маллика-Матура“: герой драмы убивает демона, который, освобожденный смертью от тяготевшего на нём проклятия, преобразуется в доброго гения (divaya purusha) и отдает себя в услужение своему убийце и избавителю.

<sup>9</sup> В убеждении индусов разные приемы аскетизма были не столько покаянием за грехи, сколько методой „тренирования“, родом психико-мистического воспитания. Живя известным специальным образом, человек пробуждал в себе дремавшие и скрытые силы души, в особенности волю, благодаря этому приближался к предвечной, не-индивидуальной душе мира, и при

Вера в могущество аскетизма, в соединении с доктриной трансмиграции и кармы, сделала невозможными всякие договоры с существами сверхъестественными; ни один индийский демон не купил бы у человека душу, потому что невольник не может продавать своего господина.

В настоящем душу человека направляла карма, то есть результаты деятельности умерших поколений, будущее же принадлежало генерации, долженствующей народиться.

Когда герой известной средневековой легенды, Теофил, восхотел занять высокое церковное положение, он заключил с дьяволом союз и заплатил ему своею душою за помощь и совет; когда индийский царь, Висвамित्रа, возжаждал неслыханной вещи, то есть достоинства и духовной власти брамина, то не просил позволения ни у кого и ни с кем не вступал в союз, но наложил на себя покаяние на целую тысячу лет.

Было так: молчал он строго, затаив в груди дыханье;  
И веков десяток целый просидел он неподвижно.  
Вдруг глава его извергла целый столб огнистый дыма,  
И три мира<sup>10</sup> содрогнулись, осияны новым светом,  
Что из тела Висвамитры шел, собою затмевая  
Всех богов, святых и мудрых, рати демонов надменных.

Устрашенные боги обращаются к Бrame за помощью, потому что возрастающая магическая сила Висвамитры грозит их существованию:

Если вскоре не исполнишь, что подвижник тот желает,  
Он своей могучей властью вмиг три мира уничтожит;  
Дико море расшумелось, горы движутся в основах,  
Круг земной дрожит от страха, солнце свет свой потеряло  
От подвижника струится свет стократно лучезарней.  
О, Господь! мы все погибнем, иль сверши его желанья,  
Охрани богов, о Брама, дай браминство Висвамитре.

*(Рамайана).*

Итак, значит Висвамित्रа, развив в себе, при помощи аскетизма неслыханное могущество воли, мог принудить богов исполнить свои желанья, угрожая им, что в противном случае создаст себе собственное небо и собственных богов...

Устрашенные небожители всегда исполняли просьбы держащего и давали ему браминство, что, собственно, по индийским понятиям и надлежало великому отшельнику по всей справедливости, как награда за долгие годы невероятных лишений и глубоких размышлений, которые обратили его в какое-то высшее существо.

В идеальной и насквозь одухотворенной атмосфере браманизма не мог произойти на свет и развиваться ни Теофил, ни Фауст, ни Твардовский, – вообще, какой-нибудь тип вроде этих средневековых эпикурейцев, которые сознательно торговали своим духом, отдавая его навеки в рабство дьяволу за ничтожный призрак земного счастья.

---

помощи её мог оказывать влияние не только на людей и на материю, но и на богов. Современные теософы, разделяющие, в этом отношении веру индусов, пропагандируют доктрину практического мистицизма, заключающуюся в древней книге Патанджали под названием „Yoga Sutra“. Ныне появилось новое издание этой книги, обработанное *ad usum* европейцев: „Yoga Sutra of Patanjali. Translation with introduction. Appendix and notes etc. Бомбей, на средства общества теософов.

<sup>10</sup> Небо, земля и ад.

Индуc слишком долго и пристально всматривался в безмерную бездну бесконечности и вместе с тем слишком мало ценил скоропреходящие блага, чтоб соблазниться на подобную душеубийственную сделку с силами зла.

Наконец, не только святой аскет, но и гнусный индийский чародей, отдавшийся коварному культу богини Кали, сам из себя извлекал и самому себе был обязан силою творить видимые чудеса; в Индии сверхъестественные существа должны слушаться людей сильной воли, несмотря на их моральную ценность (Ср. Малати и Мадава, монолог колдуньи Капалакундали).

Значит, нет ничего удивительного, что главнейший и целостнейший представитель зла в индийской поэзии, Гавана, могущий вредить людям только временно, не вечно, не возбуждает в нас того демонического страха, каким веет от некоторых аналогичных фигур европейской литературы.

В «святой» Гамайане он еще импонирует какою-то стихийною чудовищностью, какою-то тигриной кровожадностью и силой; но в позднейших произведениях, в особенности в драмах, слегка цивилизовавшись, утрачивает даже и это грубое величие и, выступая почти всегда как хвастливый, но несчастный соперник прекрасного и благородного Рамы, нисходит до смешной роли грубоватого и глупого, а вдобавок еще и презираемого волокиты. (Ср. драмы: Бала-Рамайана, Анагра-Рагава, Янаки-Паринаджа, Уттарарамакарта).

Для точности мы должны упомянуть еще об одном, менее ярком, но для нас, может быть, более интересном типе демона, который выступает в популярном эпизоде Махабхараты, воспевающим историю Наля и Дамаянти. Демон этот, по имени Кали (не нужно смешивать с Кали, женою Шивы), также отвергнутый соперник, – индийские демоны вообще влюбчивы, как библейский Асмодей<sup>11</sup>, – из мести долго преследовал царя Наля, но

Предстал, наконец, благосклонный  
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищение  
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился,  
В сердце Наля проникнул Кали.

И возжег в нём страсть к игре в кости, причем царь проигрывает всё свое царство и имущество. – Здесь мы видим любопытный пример искушения и соблазна, хотя целью его является только личная месть, а не желание плодить зло ради самого зла, как это делает дьявол.

Другую, не менее интересную аналогию между европейским сатаной и Кали мы замечаем в ту минуту, когда последний выходит из тела Наля и вселяется в дерево Вибитака. Это напоминает нашего польского народного Рокиту, живущего в сухой вербе. Здесь, впрочем, и кончается это, во всяком случае, только внешнее сходство.

Изгнание демона совершилось при помощи яда, который впустил в кровь Наля царь змей, Каркотака:

И в то же мгновенье, когда он (Наль)  
Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотолу  
В сердце его искуситель Кали оттуда исторгся.

Индийские демоны, виды которых очень разнообразны, любят гнездиться в разных живых и мертвых предметах и телах.

В санскритской литературе существует сборник басен, озаглавленных «Веталапанчавинсиати», то есть «двадцать пять ответов Ветали». Ветала – это демон, который пребывает в трупе висельника, а так как труп этот понадобился одному царю для чародейских опытов, то его

<sup>11</sup> Так, например, *ракиаси* (дьяволица) Сурпанака, сестра Раваны, преследует своею любовью Раму.

сняли с дерева и несут на место, где ждет великий отшельник, руководящий магической церемонией. Тем временем Ветала, кроющийся в висельнике, начинает рассказывать царю занятную сказку и в конце спрашивает: как развязать завязку? А когда царь высказывает ему свое мнение, труп вырывается из его рук и снова возвращается на место, на котором висел. Процедура эта повторяется двадцать пять раз, отсюда и заглавие сборника, – двадцать пять ответов Ветали.

Как мы видим, это очень оригинально, но бесконечно далеко от истинного сатанизма. Ветала напоминает наших кошмаров, утопленников, кобольдов, упырей, но не имеет ничего общего с настоящим дьяволом, духом зла безотносительным и неукоснительным.

Посвящая так много места индийской литературе, мы принимали в соображение её выдающееся и вместе с тем исключительное положение во всеобщей письменности. Индийская поэзия, – это единственная эстетическая представительница неизмеримо глубокого и оригинального воззрения, в котором непререкаемое тождество зла и добра проведено с неслыханною последовательностью и точностью; ни одна из позднейших пантеистических доктрин не заходила так далеко в подробностях, не породила такой прекрасной и богатой поэтической литературы.

Абсолютную противоположность индийским доктринам и типам мы встречаем в религии и поэзии другого арийского племени, именно – у древних персов.

У индусов зло было необходимым, но только переходным проявлением реализации бытия, проявлением, которое когда-то, вместе с добром, должно было потонуть в лоне вечного небытия. У персов зло не тождественно с добром, но составляет элемент, существенно разнящийся от него, как по своей природе, так и по происхождению. У индусов Вишну и Шива, жизнь и смерть, – это два лика одной и той же творческой мощи; у персов же Ормузд и Ариман<sup>12</sup>, – два соперника, враждующие друг с другом испокон века за владычество над миром, Ормузд когда-нибудь победит, но до этого ждать еще очень долго, а пока силы противников равны.

Мир, из-за которого шла борьба, – была прежде всего земля, и её обитатели – значит, человечество являлось осью, вокруг которой вращался маздеизм.

Так как болезни, голод, холод, докучливые насекомые, ядовитые гады, сорные травы, – одним словом, всё, что приносило вред здоровью, жизни и безбедному существованию человека, считалось делом Аримана, то усердному поклоннику Ормузда не достаточно было, как индусу, ограничиться только пассивными добродетелями: кроме молитв, чистоты и жертв, одним из главнейших обязательств иранца являлся труд в самом широком значении этого слова. Трудясь, он укреплял и расширял владычество своего творца и покровителя Ормузда, нанося единовременно удары могуществу их общего врага, Аримана:

Когда зерна хлеба всходят, тогда злые духи шипят;  
Когда они выпускают ростки, тогда злые духи кашляют;  
Когда появляются листья, тогда злые духи плачут;  
Когда выходят толстые колосья, тогда злые духи отлетают,

---

<sup>12</sup> Ормузд и Ариман, – упрощенные формы имен, звучащих на языке, называемом *зенд*, *азура-мазда* и *ангра-майнью*; *азура* (тоже *азура*) на первобытном арийском языке было синонимом добрых божеств. После распада арийцев на разные племена и секты слово это в *зендском* языке удержало первоначальное значение, тогда как индусы со-временем начали обозначать им злые демонические силы. Наоборот, собирательное имя индийских богов Девас (огненные) в Иране служило названием духов злых, помощников Аримана, с которыми сражались союзники Ормузда, Амшаспанты. „Азура“ в значении злого духа в первый раз появляется в Яджурведе, тогда как еще в Ригведе именем этим пользовались божества добрые, например, Варуна. В Яджурведе мир духов разделен на добрых, Дивов, и злых, Азуров, враждующих друг с другом.

– говорит один из отрывков Авесты, этой библии энергичных и подвижных жителей Ирана.

Сущность маздеизма, по-видимому, в течение веков подвергалась внутренним изменениям. В особенности огромное влияние, произведенное на религию Зороастром, вызвало магизм, который, приспособившись наружно к староперсидской религии, внес в нее новые элементы, туранско-аккадского происхождения (ср. Lenormant «La magie chez les Chaldéens» стр. 192–210). Вера в единовременное существование Ормузда и Аримана осталась и впредь главным религиозным догматом, но на них уже не смотрели, как на двух представителей двух различных сил и миров, а как на влияние одной и той же первобытной субстанции – «Зервана-Акарана» (безграничное время).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.